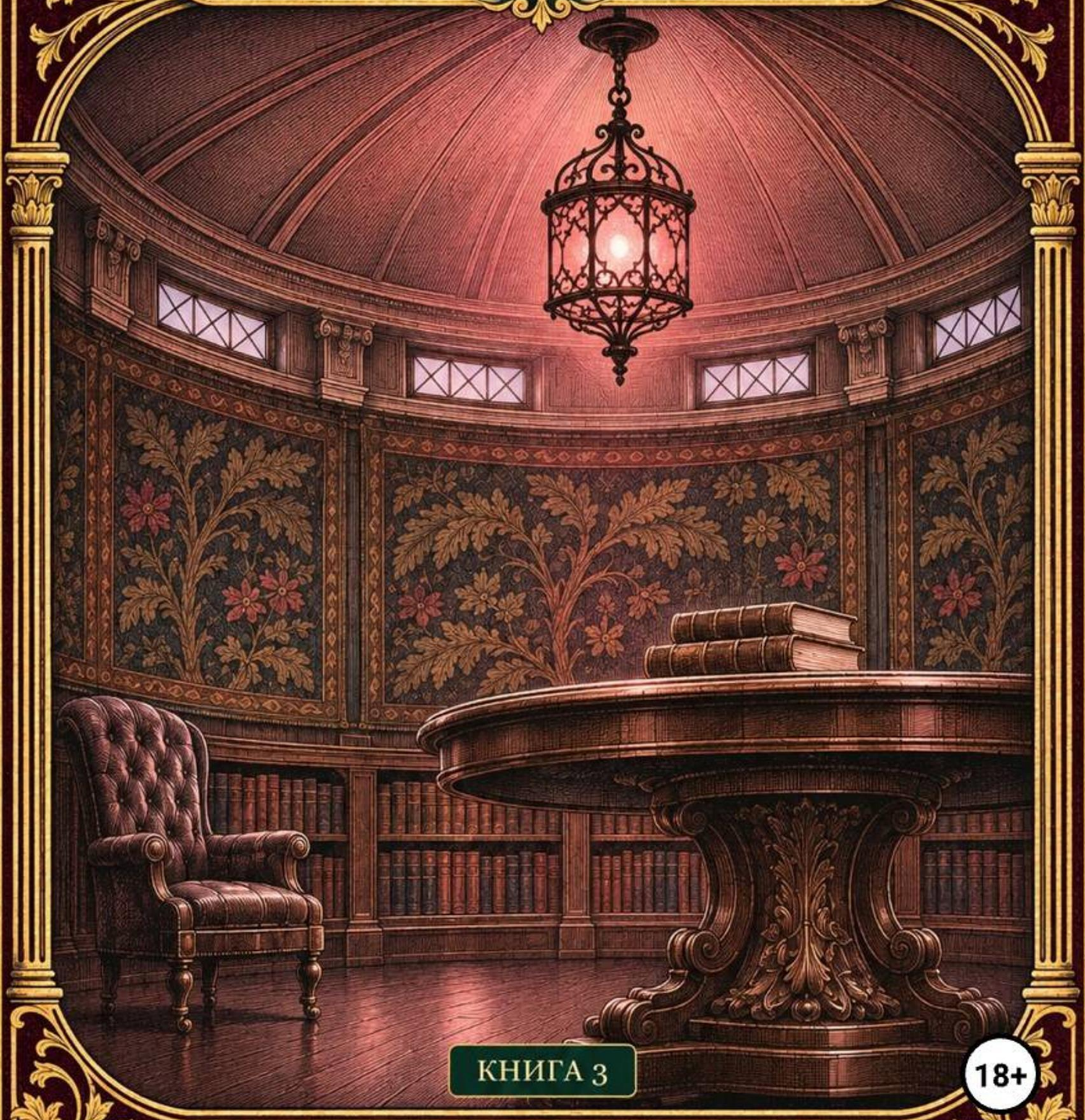
АННА КЭТРИН ГРИН

КРУГЛЫЙ КАБИНЕТ

Расследования мисс Баттерворт



КНИГА 3

18+

Перевод Миланы Ивановой

Анна Грин

Круглый кабинет

«Автор»
2026

Грин А.

Круглый кабинет / А. Грин — «Автор», 2026

В старинном нью-йоркском доме находят мертвого хозяина. В его груди - кинжал, на груди - золотой крест, а необычный круглый кабинет залит розовым светом. Слуга не может ответить на вопросы полиции, зато птица в клетке настойчиво повторяет загадочное имя.Эбенезер Грайс берется за расследование, которое возвращает ему интерес к работе. Но чем внимательнее он изучает дом, тем больше вопросов возникает. Цветные огни, странные механизмы, исчезнувшие посетители и клочок бумаги ведут к истории, начавшейся задолго до преступления.Мисс Амелия Баттерворт снова оказывается рядом - с острым взглядом, независимыми суждениями и твердым намерением помочь сыщику, даже если он еще не понял, что ему нужна помощь.Третья книга серии «Расследования мисс Баттерворт».

© Грин А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Странное преступление 5
Глава I. Красный свет 5
Глава II. Загадки 8
Глава III. Немой слуга 13
Глава IV. Необычное испытание мистера Грайса 16
Глава V. Пять маленьких пайеток 21
Глава VI. Подсказки старой знакомой 28
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Анна Грин
Круглый кабинет

Часть первая. Странное преступление

Глава I. Красный свет

Мистер Грайс был не в духе. Он достиг того возраста, когда бодрость покидает человека, а интерес к жизни приходится непрестанно подстегивать. В последнее время ничто особенно не занимало его, и он чувствовал себя вялым стариком, отжившим свое. Он даже подумывал уйти из полиции и поселиться на небольшой ферме, которую купил себе в Уэстчестере. Но от этой мысли становилось лишь тоскливее: без дела он не мог жить, а возможность упражнять ум ценилась им куда выше любых выгод, какие могла принести такая работа.

Однако осуществить это намерение ему пока не пришлось. Как раз когда тайное недовольство собой дошло до предела, в полицейское управление позвонили. Сообщение почти вернуло старику былую бодрость и оживило конец серого осеннего дня: такого интереса к жизни он уже не надеялся почувствовать ни сегодня, ни когда-либо еще. Звонили из известной аптеки Картера: какая-то дама послала с улицы мальчишку сообщить, что в особняке за углом, на такой-то улице, совершено странное преступление. Даму мальчик не знал и неохотно показывал данные ею деньги. Но деньги у него несомненно были, а испуган он был достаточно, чтобы его рассказу можно было поверить. Если полиция захочет с ним поговорить, его найдут у Картера: там мальчика задержат до особого распоряжения.

Странное преступление! Это слово поразило мистера Грайса, и, размышляя, что за ним кроется, он позабыл о своих годах. Между тем окружающие заговорили о доме, который так неожиданно привлек их внимание. Один из немногих уцелевших памятников прошлого столетия, он особенно выделялся среди теснивших его с обеих сторон магазинов, клубов и ресторанов. Уже много лет на него обращали внимание даже те, кто ничего не знал ни о его истории, ни о связанных с ним преданиях.

И вот в этом доме совершено преступление! Слово «странное» продолжало настойчиво звучать в ушах мистера Грайса. Достаточно было поймать взгляд дежурного инспектора, чтобы получить приказ заняться делом. Сыщик немедленно отправился в аптеку и, найдя там мальчика, взял его с собой к указанному дому. По дороге он расспрашивал своего спутника, но бедняга ничего не мог прибавить к уже переданному по телефону. Он твердил, что разглядывал игрушки в витрине, когда к нему подошла дама – именно дама, а не просто женщина, – дала монетку и повела за собой до аптеки. Там она показала еще одну и пообещала отдать ее в придачу к первой, если он забежит внутрь и передаст служащему сообщение для полиции. Денег ему хотелось, и он уже потянулся за монетой, когда дама объяснила: нужно только сказать, что в старом доме на такой-то улице совершено странное преступление. Тут он перепугался и хотел улизнуть, но она снова схватила его и тряхнула так, что он пришел в себя, после чего вбежал в аптеку и исполнил поручение.

Мальчик говорил искренне, и мистер Грайс склонен был ему верить. Но когда речь зашла о приметах дамы, выяснилось, что наблюдателен он не больше большинства ему подобных. Все, что удалось от него добиться: дама хоть куда, платье блестит, и вся в драгоценностях. Поняв, чего ждать от своего спутника, мистер Грайс перестал задавать вопросы. Тем более что нужный дом уже показался впереди и требовал всего его внимания.

Снаружи ничто не указывало ни на преступление, ни даже на какой-нибудь переполох. Закрытая дверь, чистое крыльцо, окна за тяжелыми шторами, а кое-где еще и за плотно опущенными жалюзи, – все говорило о домашнем покое и благопристойности. Спокойный кирпичный фасад с отделкой из коричневого песчаника приятно отличался от соседних зданий: те выступали по обе стороны, пестрели вывесками и гудели деловой жизнью.



Особняк мистера Адамса среди торговых зданий.

– Какая-то ошибка, – пробормотал Грайс, вновь пораженный безмятежным видом дома. Но прежде чем он успел решить, что стал жертвой розыгрыша, у нижнего входа, под парадным крыльцом, кто-то шевельнулся. Оттуда вышел полицейский с таким озадаченным лицом, что мистер Грайс жестом остановил его и поспешно спросил:

– Что-нибудь случилось? Есть убитые или раненые? Здесь все так спокойно.

Узнав старого сыщика, полицейский коснулся шляпы.

– Не могу попасть внутрь. Во все звонки звонил. Решил бы, что дом пуст, да, кажется, что-то шевельнулось в одном из верхних окон. Может, пройти через нижнее окно соседнего магазина «Кнапп и компания» на задний двор?

– Да. И возьмите мальчика с собой. Заприте его в какой-нибудь конторской комнате, а потом проникните в дом, как сумеете. С заднего двора это, вероятно, нетрудно.

Полицейский кивнул, взял мальчика за руку и мигом скрылся с ним в соседнем магазине. Мистер Грайс остался у нижнего входа, где его вскоре осадили прохожие. Они уже почуяли неладное и теперь досаждали ему своим любопытством. К счастью, дверь открылась изнутри, избавив сыщика от расспросов, на которые ему пока нечего было ответить. Он скользнул в дом и очутился в почти полной тишине. Перед ним тянулся коридор нижнего этажа, ведущий в кухню. Даже сейчас он заметил, что там гораздо опрятнее, чем обычно бывает в доме с немалым хозяйством. Но ничто не говорило ни о трагедии, ни даже о нарушении обычного порядка, принятого в домах такого размера и достатка.

Убедившись, что здесь он ничего не найдет, сыщик пошел вслед за полицейским наверх. Когда они поднялись на этаж с гостиными, тот сообщил:

– Мистер Раффнер из соседней фирмы говорит, что здесь живет какой-то чудак, которого никто не знает. Книжный червь, кажется, так он его назвал. Живет уже полгода, а ни одного человека здесь не видели, кроме него самого и старого слуги – такого же странного и нелюдимого, как хозяин.

– Знаю, – пробормотал мистер Грайс.

Он действительно знал, как знали и все остальные: дом, некогда принадлежавший одной из самых знатных нью-йоркских семей, теперь занимал некий мистер Адамс. Этот человек славился необыкновенно привлекательной наружностью, богатством и столь замкнутым нравом, что ни с кем не сходился. Вот почему расследование с самого начала обещало быть любопытным. Попасть в дом такого человека – уже событие. А попасть туда по делу, где речь идет о жизни и смерти… Что ж, от такой возможности даже старый человек вновь чувствует вкус к жизни – тем более проницательный восьмидесятилетний сыщик.

Холл, в котором они теперь стояли, был широким, старомодным и обставлен немногочисленной старинной мебелью, какую еще можно встретить в подобных почтенных домах. В него выходили две двери, обе открытые. Воспользовавшись этим, сыщик с полицейским вошли в ближайшую, почти напротив верхней ступеньки лестницы, по которой только что поднялись. Комната оказалась пустоватой, словно приемная врача. Ничто не заслуживало внимания, и они ушли бы так же бесцеремонно, как вошли, если бы за полураздвинутой портьерой в дальнем конце не блеснуло богатое убранство, обещавшее совсем иную обстановку.

Они прошли через этот дверной проем, оглянулись – и замерли в ужасе. Оба немало повидали на своем веку, но ничто не подготовило их к тому потрясающему и торжественному зрелищу, которое здесь открылось.

Попробовать ли мне это описать?

Небольшая круглая комната, стены которой были затянуты необычными гобеленами, а между ними кое-где размещались бесценные редкости. Хотя на улице еще не стемнело, комнату освещал пучок розового света. Он падал не на ряды книг вдоль нижней части стен, не на единственную большую картину, которая в другое время неизбежно приковала бы взгляд, а на обращенное кверху лицо человека, лежавшего на медвежьей шкуре.

В сердце у него торчал кинжал, на груди лежал крест. Его золотые очертания отчетливо выделялись на длинном темном одеянии, отчего покойный походил на святого, приготовленного к погребению в каком-нибудь святилище. Но кинжал говорил о насильственной смерти, а лицо – о муке, для которой мистер Грайс, несмотря на весь свой многолетний опыт, не находил названия. Так мало она походила на страх, боль, удивление или любое другое чувство, обычно застывающее на лицах людей, павших от внезапного удара убийцы.

Глава II. Загадки

Мистер Грайс на мгновение застыл в нерешительности, почти в благоговейном страхе. Тусклый свет, зловещая тишина, неожиданная обстановка, словно перенесенная из старинного романа, неподвижное тело недавнего хозяина дома, простертого точно для погребения, – все это могло поколебать даже испытанное мужество старого сыщика. Святой символ на груди убитого так резко противоречил земной страсти, направившей кинжал в его сердце! За долгие годы полицейской службы мистеру Грайсу приходилось решать немало трудных задач, но с подобной он еще не сталкивался.

Впрочем, замешательство длилось лишь миг. Полицейский за его спиной еще не успел выразить свое удивление и растерянность, а мистер Грайс уже вошел и стоял возле лежавшего на полу человека.

Сомнений в том, что тот давно перестал дышать, не было. И все же сыщик прежде всего проверил пульс и осмотрел глаза. В их выражении было столько укора, что, встретив этот взгляд, ему пришлось призвать на помощь все свое профессиональное хладнокровие.

Тело еще сохраняло тепло, но человек был несомненно мертв. Убедившись в этом, Грайс не стал вынимать кинжал из раны, хотя внимательно осмотрел его, прежде чем продолжить осмотр комнаты. Оружие было необычное – редкостная вещица из какой-нибудь восточной лавки. Само по себе это скорее наводило на мысль о самоубийстве. Однако ни расположение раны, ни направление, в котором лезвие вошло в тело, не соответствовали такому предположению.

Других улик было мало. В этой комнате пролилась кровь, оборвалась жизнь – несомненно, в результате внезапного и яростного нападения, – но никаких следов борьбы в безупречно прибранном кабинете не было. Если не считать нескольких розовых лепестков, рассыпанных по полу, здесь царили покой и неброская роскошь. Даже большой стол в центре комнаты, у которого хозяин стоял в миг рокового удара, ничем не выдавал случившейся рядом трагедии. Во всяком случае, на первый взгляд: хотя его широкую поверхность покрывали всевозможные полезные вещи и украшения, все они стояли нетронутыми и, по-видимому, на своих местах. Удар, сразивший хозяина, словно не отозвался на его имуществе.

Чего только не было на этом столе! Лишь человек с разносторонними вкусами и познаниями мог собрать и разместить на столь малом пространстве трубки, перья, портреты, гири, мерные приборы, римские светильники, венецианское стекло, редкий фарфор, медали, грубые металлические изделия, рукопись, свернутые ноты, горшок с живыми цветами и… и – что казалось страннее всего – ряд электрических кнопок. Стоило мистеру Грайсу коснуться одной из них, как красный свет в ажурной железной клетке под потолком мгновенно сменился зеленоватым сиянием. Оно придало всему такой мертвенный оттенок, что сыщик поспешно отыскал другую кнопку и с облегчением увидел мягкий белый свет вместо болезненной зелени, добавлявшей ужаса и без того мрачной картине.

«Детские забавы для человека его лет и положения», – подумал мистер Грайс. Но, снова взглянув на обращенное кверху лицо у своих ног, усомнился: мог ли его обладатель быть хоть в чем-то похож на ребенка? В резких чертах читались сила и целеустремленность. Такое лицо запоминалось при любых обстоятельствах. Теперь же застывшее на нем выражение обладало какой-то притягательной властью: стоило сыщику случайно взглянуть вниз, и ход его мыслей нарушался. Приписать легкомыслие человеку с таким ртом и подбородком значило признаться в собственном неумении разбираться в людях. Значит, у лампы над головой, ее электрического устройства и сменных цветных стекол был какой-то смысл. Пока искать его следовало, вероятно, в занятиях наукой, о которых свидетельствовали окружавшие сыщика книги и приборы.

Оставив белый свет, мистер Грайс привычным усилием заставил себя заняться стенами – как уже было сказано, их покрывали гобелены и редкости. Ничто, казалось, не помогало раскрыть тайну преступления. Разве что… Да, кое-что нашлось: погнутый книзу, вывороченный из своего гнезда гвоздь. На нем прежде висел крест, теперь лежавший на груди убитого. Шнурок, на котором крест был подвешен, так и остался при нем; его красные нити смешивались с другой алой нитью, тянувшейся из раненой груди.

Кто сорвал крест? Не сам раненый. С такой раной подобное движение было бы невозможно. К тому же и гвоздь, и пустое место на стене находились от тела так далеко, как только позволял небольшой круглый кабинет. Значит, чужая рука сняла этот символ мира и прощения и положила туда, куда еще могло долететь последнее дыхание умирающего. Странное проявление религиозной надежды или безумного раскаяния! Но мистер Грайс мог лишь на миг задуматься о его смысле: слишком драгоценны были минуты, пока он оставался один на месте преступления.

За столом, на середине высоты стены, висела единственная большая картина в комнате – портрет девушки, чья красота трогала и вызывала невольную печаль. По платью и прическе можно было заключить, что портрет написан примерно к концу нашей Гражданской войны. В нем было то же неуловимое обаяние ума, какое чувствовалось в лице человека, простертого на полу. Она была светловолосой, он – темноволосым, но сходства хватало, чтобы предположить между ними родство. Под портретом были укреплены шпага, пара эполет и медаль за доблесть в Гражданской войне.

«Эти памятные вещи могут помочь нам», – подумал сыщик.

Двигаясь дальше, он неожиданно заметил узкую портьеру. Цвет ее был так темен, а узор так похож на соседние драпировки, что до сих пор она ускользала от его внимания. За ней не могло быть окна: все окна этого необычного кабинета находились высоко в стене, почти под самым потолком. Значит, портьера прикрывала проход в еще одну смежную комнату. Так и оказалось. Отодвинув ее, Грайс вошел в тесную спаленку, где стояли кровать, туалетный столик и маленький стол. Узкая холостяцкая постель сочеталась с туалетным столиком человека, любившего роскошь и отличавшегося редкой аккуратностью. И там и тут все было в безукоризненном порядке, кроме гребня с серебряной накладкой: его сняли с туалетного столика, и вскоре сыщик нашел его на полу в другом конце комнаты.

Гребень и зонтик с перламутровой ручкой, стоявший у двери на маленькой подставке, говорили о недавнем посещении женщины. Маленькая, но несомненная улика вскоре связала ее в глазах Грайса с той, что послала сообщение в полицию. На пороге между спальней и кабинетом лежала черная блестка – украшение, которое модистки и портнихи называют пайеткой.[1] Заметив ее блеск, сыщик наклонился и тут же увидел еще одну на полу за порогом, а в нескольких шагах дальше – третью. Последняя лежала у большого центрального стола, возле которого он только что стоял.



Три пайетки на пути от спальни к столу.

Тонкая цепочка этих сверкающих капелек словно развеселила его. Наблюдательный Грайс знал: при изготовлении такой отделки блестки нанизывают на нить. Стоит ей порваться, и они осыпаются одна за другой, так что по ним едва ли не можно проследить весь путь нарядной дамы. Может быть, его порадовала изящность улики; а может, насмешка судьбы, которая обратила человеческое тщеславие в западню для его беспечного обладателя. Как бы то ни было, улыбка, с какой он взглянул на стол, была весьма выразительна.

Однако прежде чем осмотреть его тщательнее, Грайс попытался понять, где зацепилась и распустилась нить, выпустившая блестки. За выступ в дверном проеме или на мебели? Ничего подобного он не заметил. Все стулья были мягкими, и… Но постойте, крест! Внизу у него был ажурный золотой узор. Не могла ли дама зацепить его платьем, срывая крест со стены, и тем самым освободить нить, подарившую сыщику столь изящную зацепку?

Поспешив к тому месту, где висел крест, он обыскал пол под ногами, но не нашел подтверждения своей догадке, пока не добрался до шкуры, на которой лежал убитый. Среди ее длинного медвежьего ворса обнаружилась еще одна блестка. Теперь Грайс знал: дама в сверкающем платье склонялась здесь прежде него.

Убедившись в этом, он вернулся к столу и на сей раз осмотрел его со всей тщательностью. Осмотр, по-видимому, принес кое-какие плоды: проведя пальцем возле чернильницы, сыщик с улыбкой посмотрел на него, а затем осторожно приподнял чернильницу и поставил точно туда, откуда взял. Надеялся ли он найти что-то под ней? Кто знает. Лицо сыщика редко выдает его тайны.

Он еще стоял у стола, погруженный в размышления, когда быстрые шаги за спиной заставили его обернуться. Полицейский Стайлз, успевший обойти дом, вернулся и теперь стоял перед ним с видом человека, которому есть что сообщить.

– Что такое? – спросил мистер Грайс, быстро повернувшись к нему.

Вместо ответа полицейский указал на лестницу, видневшуюся через дверь передней.

«Поднимитесь наверх!» – говорил его жест.

Мистер Грайс заколебался и оглядел комнату, которая сейчас так его занимала. Стайлз заметно заволновался и нарушил молчание:

– Идемте! Я нашел виновного. Он в комнате наверху.

– Он? – Местоимение явно удивило мистера Грайса.

– Да, сомнений быть не может. Когда увидите… Но что это? Неужели спускается? Больше в доме, я уверен, никого нет. Разве вы не слышите шагов, сэр?

Мистер Грайс кивнул. Кто-то и в самом деле спускался по лестнице.

– Давайте отойдем, – предложил Стайлз. – Не потому, что он опасен. Просто вам нужно увидеть его раньше, чем он увидит вас. Он очень странно себя ведет, сэр. Если войдет сюда, наверняка чем-нибудь себя выдаст. Где бы нам спрятаться?

Мистер Грайс вспомнил комнатушку, из которой только что вышел, и потянул полицейского за собой. Укрывшись там, он опустил портьеру, оставив лишь узкую щелку. Шаги становились все громче, приближались; вскоре они услышали частое, тяжелое дыхание вошедшего.

– Он знает, что кто-то проник в дом? Он видел вас, когда вы нашли его наверху? – шепнул Грайс на ухо своему спутнику.

Стайлз покачал головой и нетерпеливо указал на противоположную дверь. Тот, кого они ждали, только что приподнял портьеру и в следующий миг появился на пороге, весь как на ладони.

Мистер Грайс и полицейский уставились на него. Неужели это убийца? Этот бледный, тощий слуга с подносом, на котором стоит один-единственный стакан воды?

Грайс так удивился, что вопросительно посмотрел на Стайлза. Но тот, скрыв и собственное замешательство – такого мирного появления он тоже не ожидал, – шепотом попросил немного подождать. Оба снова повернулись к слуге. Тот сделал несколько шагов, остановился, посмотрел на лежавшее тело и выпустил стакан с тихим вскриком, который сразу перешел в подобие воя.

– Смотрите! Смотрите! – торопливо шепнул Стайлз. – Следите за тем, что он сейчас сделает. Увидите убийцу за работой.

И действительно, в следующее мгновение этот странный человек совершенно преобразился и начал разыгрывать пантомиму. Двум наблюдателям казалось, что она и показывает, и объясняет только что совершенное преступление.

Он стоял, глядя в пустоту перед собой, и весь его вид выражал сильнейшее волнение. Затем одну руку вытянул назад и застыл в необычно скованной позе, а другой рванулся к столу, будто хватал с него какой-то предмет. Едва пальцы сомкнулись на воображаемой вещи, он нанес резкий удар вбок – все так же в пустоту. Движение было столь яростным, намерение столь очевидным, что и сам воздух словно дрогнул от удара.

После удара пальцы медленно разжались, словно выпуская кинжал; тело качнулось назад. На миг человек замер с широко открытыми глазами, будто в ужасе созерцая свое деяние. Его искаженное лицо и дрожь говорили сами за себя. Мало-помалу он поддался раскаянию или

страху перед содеянным и стал оседать все ниже, пока не упал безжизненной грудой на пол. Та же рука по-прежнему была вытянута назад.

– Это я и видел наверху, – пробормотал Стайлз на ухо изумленному сыщику. – Он, очевидно, сошел с ума от того, что сделал.

Мистер Грайс не ответил. Перед ним была загадка, подобной которой он за всю свою службу еще не встречал.

Глава III. Немой слуга

Между тем человек, только что, по-видимому, разыгравший перед ними недавнюю трагедию, поднялся. Теперь на его лице была одна растерянность, ничуть не похожая на прежнее неистовство. Он нагнулся за выроненным стаканом и уже собирался унести его, когда мистер Грайс окликнул его:

– Погодите! Стакан пока оставьте. Сначала расскажите нам, как случилось, что ваш хозяин лежит здесь мертвым.

Такое требование могло встревожить кого угодно. Но слуга словно ничего не услышал и продолжал идти к выходу. Тогда Стайлз положил ему руку на плечо.

– Стойте! – сказал он. – Что это вы норовите ускользнуть? Разве не слышите, что с вами разговаривают?

На этот раз обращение подействовало. Стакан снова выпал из руки слуги и теперь, ударившись о пол, разбился. Звон стекла слился с его криком – вернее, с каким-то странным звуком между стоном и воплем. Он заметил людей, пытавшихся его задержать. По измученному лицу и съежившейся фигуре было видно: наконец он понял весь ужас своего положения. В следующую минуту он рванулся прочь, но Стайлз перехватил его покрепче и потащил назад, к мистеру Грайсу, стоявшему возле медвежьей шкуры с телом хозяина.

При виде распростертого тела слуга снова переменился. Радость – самое дьявольское из чувств перед лицом насилия и смерти – вспыхнула в его блуждающем взгляде, исказила рот. Нисколько не скрывая своего удовлетворения, он негромко, но пронзительно рассмеялся, и зловещее эхо прокатилось по комнате.

Мистер Грайс невольно содрогнулся от отвращения, которое лишь усиливалось при мысли, что этот человек, по-видимому, не отвечает за свои поступки. Он дождался, пока последние отзвуки страшного смеха не замерли в вышине. Затем посмотрел прямо в сверкающие глаза слуги – хотя, как мы знаем, обычно избегал встречаться взглядом с людьми – и сурово сказал:

– Ну, говорите! Кто убил этого человека? Вы были с ним в доме и должны знать.

Губы слуги разомкнулись, и из горла вырвался поток невнятных звуков. Свободной рукой – другую Стайлз прижимал к его боку – он коснулся ушей, потом губ и отчаянно замотал головой.

Истолковать это можно было лишь одним способом. Слуга был глухонемым.

Потрясенный этим открытием, Стайлз выпустил его руку. Почувствовав себя на свободе, слуга вернулся на прежнее место и с еще большей живостью повторил сначала убийство, а потом оплакивание хозяина – ту самую сцену, которая несколько минут назад показалась им столь многозначительной. Закончив, он замер в ожидании. Но теперь в глубине его быстрых беспокойных глаз светилась та адская радость, из-за которой само его присутствие возле мертвого казалось кощунством.

Стайлз не выдержал.

– Вы не можете говорить? – закричал он. – Не слышите?

Тот лишь улыбался – зло, злорадно. Мистер Грайс счел своим долгом это прекратить.

– Уведите его! – приказал он. – Внимательно осмотрите: нет ли на нем следов крови. А я поднимусь в комнату, где вы его нашли. Он слишком тесно связан с этим преступлением, чтобы на нем совсем не осталось следов.

Но на этот раз даже опытный сыщик ошибся. На старом слуге ничего не нашли; в верхних комнатах тоже не обнаружилось ни единого признака, который прямо связывал бы единственного оставшегося обитателя дома с совершенным здесь преступлением. Мистер Грайс

глубоко задумался и снова принялся осматривать две комнаты, в которых, по его убеждению, заключались все доступные им ключи к этой странной тайне.

Осмотр дал немного. Сыщик опять загляделся на обращенное кверху лицо, чей застывший рот и мучительное выражение так много говорили о страдании и решимости. Вдруг откуда-то сверху, из полумрака, донесся крик. Два слова с поразительной отчетливостью прозвучали над ним, складываясь в совершенно неожиданный призыв:

– Помни Эвелин!

Помни Эвелин! Кто такая Эвелин? И чей это голос в доме, где тщетно обыскали все углы в поисках других жильцов? Он словно шел с самой крыши. Подняв голову, мистер Грайс действительно увидел клетку, подвешенную почти у верхнего края одного из уже упомянутых окон. В ней сидел скворец. Будто поняв, что привлек к себе внимание, он вытянул шею навстречу взгляду сыщика и еще настойчивее выкрикнул:

– Помни Эвелин!



Скворец в клетке под потолком кабинета.

Этого последнего штриха недоставало череде жутких событий. Чувствуя себя точно во сне, мистер Грайс облокотился на стол, пытаясь получше разглядеть птицу. Внезапно белый свет, освещавший комнату с тех пор, как он в последний раз коснулся электрического устрой-

ства, снова стал зеленым. Сыщик понял, что нечаянно нажал кнопку, сдвинув еще одно цветное стекло в необычной лампе над головой.

Раздосадованный, он отошел от стола: смена цветов ставила новую задачу, а он был пока слишком занят другим, чтобы за нее браться. Сыщик уже направлялся к выходу, когда из соседней передней, где Стайлз караулил старого слугу, донесся голос полицейского:

– Может, отпустить его, мистер Грайс? Он очень беспокоится. Нет, не буйствует, а именно тревожится. Словно что-то забыл или вспомнил о невыполненном поручении.

– Да, отпустите, – тотчас ответил сыщик. – Только следите за ним и идите следом. Для нас важно каждое его движение. Сам того не зная, он может дать нам бесценные указания.

И Грайс приблизился к двери, чтобы самому посмотреть, что будет делать слуга.

– Помни Эвелин! – снова раздался сверху пронзительный крик, когда сыщик проходил между портьерами.

Он невольно оглянулся и поднял голову. К кому обращен столь властный призыв из птичьего горла? К нему или к лежавшему внизу человеку, который уже никогда ничего не услышит? За этим могло ничего не стоять, а могла скрываться сама разгадка трагедии. Но, каково бы ни было значение этих слов, сейчас сыщику было не до них. Старый слуга, поспешивший в переднюю, едва Стайлз отпустил его, уже возвращался, неся в одной руке шляпу хозяина, в другой – его зонт.

Не понимая, что означает эта новая выходка, мистер Грайс остановился и подождал. Немой, к чьему лицу и осанке вернулась почтительная невозмутимость вышколенного слуги, передал ему принесенные вещи. Затем бесшумно, с видом человека, исполнившего положенное поручение, отошел на свое прежнее место в передней, сел и почти сразу вновь впал в оцепенение.

«Гм! Разум помрачен, память ненадежна, показания бесполезны», – с неудовольствием подумал разочарованный сыщик, возвращая шляпу и зонт мистера Адамса на вешалку. «Его довела до такого состояния здешняя трагедия? Или, наоборот, он лишился рассудка раньше и это стало ее причиной?»

Возможно, мистер Грайс и нашел бы для себя какой-то ответ, если бы в эту минуту сквозь беспорядочный звон у входа, доносивший нетерпение толпы зевак, не пробился властный стук, разом оборвавший его размышления.

Явился коронер или кто-то столь же важный. Драгоценное время, когда сыщик мог работать один, истекло.

Глава IV. Необычное испытание мистера Грайса

За много лет мистеру Грайсу не приходилось начинать расследование в столь невыгодных условиях. Во-первых, убитый жил один, не держа иной прислуги, кроме немого, который исполнял все домашние обязанности. Во-вторых, он поселился в таком квартале, где о соседях не могло быть и речи. А теперь выяснялось, что и близких приятелей у него, по-видимому, не было. Слух о смерти разошелся уже несколько часов назад, но никто не пришел ни с расспросами, ни со сведениями. Это казалось странным: в последние месяцы покойный стал в здешних местах приметной фигурой. Впрочем, в нем все было странно. Обыкновенные знакомства людей его круга плохо вязались бы с этой обстановкой и необычным образом жизни.

Отсутствие привычных способов разузнать что-либо у окружающих лишь усиливало интерес мистера Грайса к делу. Незадолго до полуночи он с облегчением проводил целую армию репортеров, врачей, чиновников и прочих лиц, явившихся вслед за коронером. Когда последний из них вышел за парадную дверь, сыщик снова, хотя бы на несколько часов, остался хозяином положения.

Прежде чем позволить себе столь необходимый отдых, он хотел выяснить еще две вещи. Первой занялся немедленно. Проходя мимо стула в передней, на котором дремал мальчик, Грайс разбудил его:

– Ну, Джейк, пора встряхнуться. Пойдем со мной. Покажешь в точности то место, где сегодня встретил эту даму.

Мальчик, едва живой от сонливости, стал оглядываться в поисках шапки.

– Мне бы сначала к маме, – попросил он. – Она, наверное, совсем извелась. Я еще никогда так надолго не уходил.

– Твоя мать знает, где ты. Несколько часов назад я послал ей весточку. Она тебя очень хвалила, Джейк. Сказала, что ты послушный мальчик и никогда ей не врешь.

– Мама у меня хорошая, – с жаром заявил мальчик. – Я был бы таким же скверным… таким же, как отец, если бы плохо с ней обращался.

Тут под руку ему попалась шапка, и он надел ее.

– Я готов.

Мистер Грайс тотчас повел его на улицу.

Было поздно; оживление сохранялось лишь кое-где в городе. Вскоре они вышли на одну из таких улиц и остановились перед темной витриной небольшой лавки. Джейк показал двух чучел лягушек, сражавшихся крошечными шпагами: их смертельный поединок он и рассматривал, когда к нему подошла и заговорила дама.



Дуэль лягушек в витрине лавки.

Мистер Грайс смотрел скорее на мальчика, чем на лягушек, хотя тот, вероятно, готов был поклясться, что сыщик ни на миг не отрывал глаз от маленьких дуэлянтов.

– Красивая была дама? – спросил он.

Мальчик озадаченно почесал голову.

– Я ее здорово боялся, – ответил он. – А одета она была роскошно. Ух, как роскошно! – воскликнул он, словно уж в этом никаких сомнений быть не могло.

– Молодая, с букетом цветов, очень расстроенная? Как? Не молодая, без цветов? И даже не дрожала от волнения?

Мальчик, все это время качавший головой, растерялся.

– Наверное, все-таки была расстроена. Только не плакала. И когда со мной заговорила, в руке у нее чувств было побольше, чем в голосе. Так и потащила меня к аптеке, сэр. Если бы перед этим денег не дала, я бы все равно вырвался. Но я деньги люблю, сэр. У меня их не так уж много.

Мистер Грайс уже шел дальше.

«Не молодая, – повторял он про себя. – Значит, какая-нибудь прежняя возлюбленная мистера Адамса. Такие бывают опасны, очень опасны. Еще опаснее молодых».

У аптеки он остановился.

– Покажи, где она стояла, когда ты вошел.

Мальчик указал точное место. Он, казалось, был увлечен не меньше сыщика.

– А когда ты вышел, она еще стояла там?

– Нет, сэр. Ушла, пока я был внутри.

– Ты видел, как она уходила? Можешь сказать, в какую сторону?

– Я за ней приглядывал, сэр. Боялся, как бы она за мной в аптеку не пошла: рука-то еще болела, совсем не хотелось, чтобы она опять меня схватила. Когда она собралась уходить, я шагнул поближе и увидел, как она подошла к краю тротуара и подняла руку. Только не трамвай останавливала: ни один потом еще несколько минут не проезжал.

Складка между бровями мистера Грайса заметно разгладилась.

– Значит, звала извозчика. Ты не заметил поблизости свободных экипажей?

Мальчик не заметил. Все, что видел, он уже рассказал, и никакие дальнейшие расспросы ничего не дали. Вскоре мистер Грайс это понял. Передав Джейка одному из своих помощников, дежурившему здесь, он вернулся в злосчастный дом, где разыгралась трагедия.

– Меня кто-нибудь ждет? – спросил он у открывшего дверь Стайлза.

– Да, сэр. Молодой человек, Хайнс. Говорит, что электрик.

– Он-то мне и нужен. Где он?

– В гостиной, сэр.

– Хорошо, я к нему зайду. Больше никого не впускайте. Наверху есть кто-нибудь?

– Нет, сэр, все ушли. Мне подняться или остаться здесь?

– Лучше поднимитесь. Я присмотрю за дверью.

Стайлз кивнул и вскоре скрылся на лестнице. Мистер Грайс прошел в гостиную.

Ему навстречу поднялся щеголеватый молодой человек с умными глазами.

– Вы за мной посылали, – сказал он.

Сыщик кивнул, задал несколько вопросов и, по-видимому удовлетворенный ответами, повел гостя в кабинет мистера Адамса. Тело к тому времени перенесли в верхнюю комнату. У двери на маленьком столике горела свеча, поставленная по распоряжению Грайса. Войдя, он приблизился к большому центральному столу, положил руку на одну из кнопок и попросил спутника погасить свечу. Тот повиновался; на миг наступила полная темнота. И вдруг всю комнату залило чудесное густо-фиолетовое сияние. Мужчины повернулись друг к другу с одинаково вопросительным видом: для одного столь театральный эффект оказался совершенно неожиданным, другому по-прежнему были непонятны его причина и назначение.

– Это только одно стекло, – заметил мистер Грайс. – Сейчас нажму другую кнопку, и свет станет… как видите, розовым. Эта дает зеленый, эта – белый, а эта – желчно-желтый. Последний, я уверен, ни одному из нас не к лицу. Будьте добры, осмотрите проводку: нет ли в ней чего-нибудь необычного?

Мистер Хайнс немедленно взялся за дело. Но, если не считать того, что устройство было явно сработано любителем, он не нашел в нем ничего удивительного – разве только то, что оно так хорошо действовало.

Мистер Грайс выглядел разочарованным.

– Значит, он сделал это сам? – спросил он.

– Несомненно. Или кто-нибудь другой, столь же незнакомый с новейшими приемами прокладки проводов.

– Посмотрите, пожалуйста, на эти книги. Можно ли почерпнуть из них достаточно сведений, чтобы любитель сумел соорудить подобное устройство?

Мистер Хайнс взглянул на указанную полку и, не вынимая книг, коротко ответил:

– Человек с умелыми руками и научным складом ума с их помощью сделает все, что вы здесь видите, и даже больше. Все зависит от способностей.

– Тогда боюсь, что у мистера Адамса способности были, – сухо отозвался сыщик.

В его голосе звучало разочарование. Причина выяснилась из следующих слов:

– Любители механики нередко тратят массу времени и денег на бесполезные игрушки, годные разве что для детей. Взгляните хотя бы на эту клетку. Без лестницы до нее никому не добраться. А между тем ею явно пользуются – видите, какой бойкий у нее обитатель. Стало быть, имеется устройство, позволяющее поднимать и опускать ее по желанию. Где оно? Сумеете найти?

Специалист полагал, что сумеет. И действительно: после нескольких неудачных попыток он обнаружил еще одну кнопку, искусно скрытую в гобелене на стене. При нажатии что-то высвободилось, и клетка стала медленно опускаться, пока не оказалась на высоте протянутой руки мистера Грайса.

– Больше не будем отправлять бедняжку в поднебесье, – сказал тот, отцепляя клетку и на миг задерживая ее в руке. – Скворцы в нашей стране встречаются не так уж часто. Послушайте, кажется, он собирается заговорить.

Но зоркая птица, возможно предупрежденная выразительным жестом сыщика, что сейчас уместнее помолчать, чем призывать «помнить Эвелин», лишь метнулась по клетке и задремала. Был ли сон настоящим или притворным, вызванным пристальным взглядом державшего ее старого джентльмена, сказать трудно. Мистер Грайс поставил клетку на пол и – то ли от нечего делать, то ли потому, что, несмотря на возраст и степенность, ему нравилась эта игра, – нажал еще одну, до сих пор не испробованную кнопку на столе. Затем огляделся, ожидая, какой цвет примет свет.

Но желтое сияние не изменилось. Наверное, при осмотре устройства нарушилась проводка. Сыщик пожал плечами и уже собирался отойти, как вдруг поспешным жестом привлек внимание специалиста к тому, чего ни один из них не ожидал. Проем в переднюю – единственный выход в остальную часть дома – медленно закрывался. Шириной в ярд, он сузился до фута, потом до дюйма, потом…

– Вот уж изобретение лентяя! – рассмеялся электрик. – Сидя в кресле, можно закрыть дверь. Не надо окликать глухого слугу, не надо самому спотыкаться о ковры. Пожалуй, я даже одобряю это устройство. Только… – Он заметил, что мистер Грайс стал довольно серьезен. – Перегородка несколько необычная. Не деревянная, как полагается любой разумной двери, а…

– Стальная, – странным голосом закончил мистер Грайс. – Вот это уже удивительнее всего прочего. Похоже, мистер Адамс просто помешался на электрических приспособлениях.

– А мы, похоже, оказались в плену, – добавил его спутник. – Не вижу, как отодвинуть эту перегородку обратно.

– Разумеется, для этого есть другая кнопка, – небрежно заметил мистер Грайс.

Но найти ее им не удалось.

– Если вы не возражаете, – сказал мистер Грайс после пяти минут бесплодных поисков, – я придам нашей сцене более жизнерадостное освещение. Желтый сейчас как-то неуместен.

– Давайте розовый. Если за этой стальной пластиной у вас никого нет, мы, пожалуй, просидим здесь до утра.

– Наверху есть человек. Может быть, он нас услышит. Но для чего такое приспособление? Мне оно кажется весьма подозрительным, особенно если вспомнить, что все окна в обеих комнатах устроены почти под самой крышей.

– Да, весьма подозрительно. Только прежде, чем это обдумывать, я хотел бы глотнуть свежего воздуха. Взаперти я ни на что не способен. Голова не работает.

Мистер Грайс тем временем осматривал огромную стальную пластину, отрезавшую им путь наружу. Ее – несомненно, за большие деньги – изогнули точно по кривизне стен, сквозь которые она проходила. Это немаловажное открытие заставило сыщика задуматься еще глубже. Гладкую сталь под своей рукой он разглядывал с явным недоверием.

– Мистер Адамс довел свое пристрастие к механике до крайности, – заметил он слегка встревоженному спутнику. – Перегородка пригнана очень тщательно. Если я не ошибаюсь, прежде чем нас выпустят, она выдержит немало ударов.

– Лучше бы увлечение электричеством подсказало ему такую простую вещь, как звонок.

– Верно, звонка нам не попадалось.

– Для него это было бы слишком обыкновенно.

– К тому же его единственный слуга был глух.

– Попробуйте ударить. Сильно, вот этим альпенштоком с серебряной отделкой. Кто-нибудь должен услышать и прийти на помощь.

– Сначала попробую свисток. Его скорее поймут.

Но, хотя мистер Грайс и свистел, и многократно колотил по преграде, вызывая гулкие раскаты, привлечь внимание Стайлза удалось лишь через час. Еще четыре часа понадобилось, чтобы пробить в стене отверстие, достаточно широкое для их освобождения. Так прочно стальная перегородка перекрывала единственный выход из этой необыкновенной комнаты.

Глава V. Пять маленьких пайеток

Такое приключение лишь усилило интерес мистера Грайса к делу и укрепило его решимость проникнуть во все тайны этого дома, объяснить каждую его странность. Добравшись до управления, где его, несомненно, с тревогой ожидали, не зная причины столь долгой задержки, он прежде всего спросил, не пришел ли за ночь в себя слуга Бартоу.

Ответ был неутешителен. Состояние слуги не изменилось; более того, приглашенный к нему специалист по душевным болезням считал скорое выздоровление маловероятным.

Мистер Грайс помрачнел и, вызвав полицейского, которому поручили арест Бартоу, спросил, как немой повел себя, когда понял, что его задержали.

Ответ был краток, но вполне определен:

– Удивился, сэр. Покачал головой, сделал несколько странных жестов, а потом принялся за свою пантомиму. Зрелище еще то, сэр. Бедный дурачок все тянет руку назад, вот так.

Мистер Грайс отметил жест. Бартоу делал так же, когда впервые понял, что за ним наблюдают. Смысл движения оставался неясным. Он отводил назад правую руку – никаких признаков того, что немой был левшой, не имелось – и упорно повторял этот жест, словно надеялся указать им на что-то такое, что заставит его освободить.

– Он подавлен? На лице страх или злоба?

– Всякое бывает, сэр. То сидит, словно вот-вот заснет, то вдруг вскакивает в ярости, трясет головой, колотит в стены. Смотреть на это тяжело, сэр. Его придется караулить днем и ночью.

– Пусть остается там. Отмечайте любую перемену. Как свидетель он, может быть, и непригоден, но каждое его движение наводит на размышления. Завтра я сам к нему зайду.

Полицейский вышел. Мистер Грайс несколько минут сидел в раздумье, потом достал из кармана маленький конверт, высыпал на стол пять пайеток и пристально их разглядывал. Он всегда любил, размышляя, смотреть на какой-нибудь мелкий и с виду незначительный предмет. Несомненно, это помогало ему сосредоточиться. Во всяком случае, созерцание пяти блесток, кажется, принесло именно такой результат. Покачав над ними с сомнением головой, он вдруг сгреб их обратно в конверт, взглянул на часы и быстро вышел в приемную, где остановился перед рядом ожидавших сотрудников. Одному из них он сделал знак следовать за собой: интерес, с которым молодой человек следил за его движениями, не ускользнул от старого знатока людей. Затем Грайс вернулся в свой кабинет.



Пять маленьких пайеток – улика мистера Грайса.

– Хотите поучаствовать в этом деле? – спросил он, когда дверь закрылась и они остались одни.

– О, сэр… – начал молодой человек с таким воодушевлением, что его весьма некрасивое лицо стало даже привлекательным. – Я не смею рассчитывать…

– Довольно! – перебил Грайс. – Вы служите здесь уже полгода, а возможности проявить особые способности у вас еще не было. Теперь я намерен испытать вас по-настоящему трудным поручением. Возьметесь, Свитуотер? Достаточно ли хорошо вы знаете город, чтобы искать иголку в этом громадном стоге сена?

– По крайней мере, хотел бы попробовать! – с жаром ответил тот. – Если справлюсь, чести мне будет еще больше, чем если бы я всю жизнь прожил в Нью-Йорке. Я только и ждал подобного случая. Вот увидите, я постараюсь действовать с толком – хотя бы из благодарности к вам.

– Посмотрим, – заметил старый сыщик. – Если вам не терпится встретить трудности, их у вас будет вдоволь. В сущности, я прошу невозможного. Нужно найти женщину, о которой нам известно лишь то, что в последний раз на ней было платье, обильно расшитое черными блестками. Еще известно, что, придя к мистеру Адамсу в час убийства или перед ним, она

принесла зонтик. Перед уходом сможете на него взглянуть. Откуда она явилась, я не знаю. А куда ушла… это вам и предстоит выяснить. Займетесь ею не вы один. Как видите, дело почти безнадежно, если только она сама не объявится. Я и вовсе не рассчитывал бы на ваш успех, если бы не один маленький факт, который сообщу вам особо, как моему доверенному помощнику в этом деле. Прежде чем исчезнуть из виду единственного наблюдавшего за ней человека, она подошла к краю тротуара перед фруктовой лавкой Хадсона на Четырнадцатой улице и подняла правую руку – вот так. Улика невелика, но других у меня нет, кроме пяти блесток, оброненных с ее платья, и убеждения, что искать ее следует среди женщин, почти никогда не попадающих в поле зрения полиции, а вовсе не среди дам сомнительного поведения. Впрочем, не позволяйте этому убеждению связывать вас. Убеждения вообще вредная вещь: чаще мешают, чем помогают.

Свитуотер слушал с восторгом: даже пение сирен не показалось бы ему столь сладким. С открытой улыбкой он весело ответил:

– Сделаю все, что смогу, сэр. Только зонтик мне не показывайте, а опишите. Не хочется, чтобы товарищи подшучивали, если ничего не выйдет. Я лучше тихонько примусь за работу, не поднимая лишних надежд.

– Что ж, это одна из тех изящных и бесполезных вещиц: серый шифон, перламутровая ручка, банты из розовых лент. По-моему, зонтик совсем новый. Зная, как женщины дорожат подобными безделками, могу заключить, что оставить его могли лишь в состоянии необычайного волнения или страха. Имени владелицы на нем нет.

– А имени изготовителя?

Мистер Грайс ждал этого вопроса и был рад, что дождался.

– Тоже нет. Это слишком облегчило бы нам задачу.

– В котором часу даму видели у тротуара перед лавкой Хадсона?

– В половине пятого. Как раз когда поступило телефонное сообщение.

– Отлично, сэр. Труднее поручения у меня еще не было, но это меня не отпугивает. Когда мне снова к вам явиться?

– Когда будет что сообщить. Ах да, погодите. Есть у меня подозрение, что эту женщину зовут Эвелин. Но помните: только подозрение.

– Хорошо, сэр.

И молодой человек удалился с довольно уверенным видом.

Мистер Грайс, судя по всему, не разделял бодрого настроения юного Свитуотера. Окутывавший дело туман оставался непроницаемым. Но ведь Грайсу было не двадцать три года, и память его хранила не одни победы.

Следующую надежду он возлагал на газетные сообщения о преступлении, уже разошедшиеся по всей стране. У человека с богатством и образованием мистера Адамса непременно должны были найтись знакомые. Казалось, неожиданная весть о его внезапной смерти должна была заставить их объявиться, тем более что ни о его состоянии, ни о многочисленных ценных вещах секрета не делали. Но словно в отместку за то, что этому делу предстояло стать одним из последних испытаний проницательности старого сыщика, оно не желало давать быстрых результатов. Прошел весь день; никто не заявил прав на наследство мистера Адамса, не явился ни один друг, способный приоткрыть завесу над его жизнью. Правда, объявились банкир и адвокат, но рассказать они могли лишь о благополучном состоянии его денежных дел. Ни семьи, ни родных у него, насколько им было известно, не было.

Даже домовладелец мало что добавил к общим сведениям. Впервые он услышал о мистере Адамсе от филадельфийского адвоката, ныне покойного. Тот поручился за порядочность клиента и его безусловную способность платить за жилье. При знакомстве будущий жилец поразил домовладельца сначала своим аскетическим обликом, потом сдержанностью и спокойным умом. Но, сколько бы тот ни ценил его достоинства, сблизиться с ним не удалось.

Квартирная плата неизменно поступала точно в срок, день в день; визитам домовладельца здесь не радовались, а на попытки завязать знакомство отвечали лишь холодной учтивостью воспитанного и совершенно равнодушного человека. Домовладелец всегда считал жильца книжным червем, поглощенным занятиями и такими научными опытами, для которых хватало помощи глухонемого слуги.

На вопрос о слуге он ответил, что видел его всего дважды, когда тот провожал его к хозяину. Ни характера, ни нрава этого человека он не знал и не мог судить, был ли слуга предан хозяину или питал к нему неприязнь.

Итак, с этой стороны путь тоже оказался закрыт.

Введенный в комнату, где умер мистер Адамс, домовладелец с изумлением осмотрел громадную стальную пластину, все еще перекрывавшую дверь, и высокие окна, сквозь которые пробивались лишь редкие солнечные лучи.

Указав на окна, он заметил:

– Их заложили по просьбе мистера Адамса. Прежде они доходили до деревянной обшивки стен.

Ему показали места, заделанные дранкой и штукатуркой, а также устройство пластины, служившей преградой. Но ни объяснить его, ни угадать, ради чего понадобились столь большие расходы, он не смог.

Лампа тоже оказалась для него диковинкой; смена цветов усилила изумление. Обо всех этих приспособлениях он ничего не знал: во время визитов его принимали в гостиной, где ничто не привлекало внимания и не подчеркивало известных странностей жильца.

Скворца ему не показали. Болтливую птицу уже перевезли в полицейское управление – специально на радость мистеру Грайсу.

Прочие розыски также ни к чему не привели. Ни в пенсионном ведомстве, ни в одном городском отделении ветеранской организации «Великая армия республики» не смогли установить владельца найденных на стене военных отличий. Имя художника, написавшего большой женский портрет, тоже никому в Нью-Йорке не было известно; иначе через него удалось бы, возможно, узнать прошлое мистера Адамса. В кабинете обыскали все ящики и вместилища, но не нашли ни завещания, ни деловых бумаг. Казалось, этот странный человек хотел скрыть, кем он был, – вернее, утратил всякий интерес к людям и ко всему, что находилось за стенами, в которых он себя заточил.

Ближе к вечеру стали поступать сведения от торговцев, с которыми мистер Адамс имел дело. Все они рассказывали о его странных привычках и причудах немого слуги. Оба жили отшельниками, отличаясь от прочих лишь тем, что не отказывали себе ни в какой разумной роскоши и, по-видимому, избрали затворничество из чистой любви к уединению. Хозяина в лавках никогда не видели. Покупки делал слуга, объясняясь жестами, зачастую на редкость выразительными. Он вообще умел прекрасно передавать мысли взглядом и движением: почти никогда не ошибался сам и не позволял ошибаться другим. Обмана не терпел, покупал всегда лучшее.

До дня смерти хозяина никто не сомневался в его здравом уме. Однако несколько торговцев готовы были засвидетельствовать, что в последние недели его поведение изменилось. В нем чувствовалось какое-то сдерживаемое возбуждение, совершенно не похожее на прежнюю размеренность. Он стал раздражителен, ему труднее было угодить. С одним приказчиком повел себя злобно из-за сущего пустяка; терпели его только ради хозяина, слишком хорошего покупателя, чтобы с ним ссориться. Бакалейщик мистер Келли пошел еще дальше: по его словам, слуга держался как человек, уязвленный какой-то обидой и горящий желанием выместить злобу, но с трудом себя сдерживающий.

Не случись трагедии в доме на … улице, возможно, эти люди не стали бы столь нелестно толковать нервозность, вполне простительную человеку, отрезанному от общения с себе подоб-

ными. Но как, зная о насильственной смерти хозяина и о необъясненной причастности слуги, не вспомнить, что в его взгляде часто сквозила недоброжелательность?

Все это, однако, было далеко от определенных доказательств, необходимых закону. Мистер Грайс уже готов был считать день потерянным, когда в управлении вновь появился Свитуотер. Выражение его лица вдохнуло в старого сыщика новую жизнь.

– Как! – воскликнул он. – Неужели нашли?

Свитуотер улыбнулся.

– Пока не спрашивайте, сэр. Я пришел узнать, нельзя ли одолжить тот зонтик примерно на час. Я его верну. Мне только нужно кое-что с его помощью проверить.

– Что же, мой мальчик? Можно узнать, что именно?

– Простите, сэр, но до закрытия приличных заведений осталось совсем немного, а проверку надо произвести в одном весьма приличном доме.

– Тогда не стану мешать. Подождите, я принесу зонтик. Вот, держите. Только возвращайтесь скорее, мой мальчик. Терпения у меня уже не столько, сколько прежде.

– Час, сэр. Дайте мне час, и тогда…

Дверь захлопнулась за его стремительно удалявшейся фигурой, оборвав фразу.

Час показался мистеру Грайсу долгим – вернее, показался бы, если бы Свитуотер не вернулся, к счастью, раньше срока, еще более взволнованный, чем уходил. В руке у него был зонтик.

– Моя проверка не удалась, – сказал он, – но зонтик все равно принес мне удачу. Я нашел даму, сэр, и…

Прежде чем продолжить, ему пришлось глубоко перевести дух.

– Она оказалась той, о ком я говорил? – подхватил сыщик. – Почтенная особа в почтенном доме?

– Да, сэр. Очень почтенная, даже больше, чем я ожидал. Настоящая леди, сэр. Не молодая, но…

– Имя, мой мальчик! Ее зовут… Эвелин?

Свитуотер покачал головой с простодушным видом. Впрочем, вопрос старого сыщика был не менее простодушен.

– Не могу сказать, сэр. По правде говоря, не решился спросить. Она здесь…

– Здесь!

Мистер Грайс поспешно шагнул к двери, но тут же чинно вернулся.

– Я умею сдерживаться, – сказал он. – Если она здесь, до встречи со мной никуда не уйдет. Вы уверены, что не ошиблись? Что это та самая женщина, которую мы ищем, – та, что была у мистера Адамса и сообщила нам о преступлении?

– Выслушайте мою историю, сэр. Она займет всего минуту. Потом сами рассудите.

– Историю? Должно быть, любопытную. Как вам удалось так быстро ее найти? По моей подсказке?

В лице Свитуотера снова мелькнуло простодушие.

– Простите, сэр, но я был настолько самоуверен, что пошел своим путем. Искать всех извозчиков в городе пришлось бы слишком долго. К тому же я даже не знал наверняка, что она воспользовалась наемным экипажем. Нет, сэр, я придумал другой способ. Вы показали мне блестки. Это части очень дорогой отделки, лишь недавно вошедшей в моду. Ее носят главным образом состоятельные дамы и продают только там, где торгуют роскошными украшениями для платьев. Я видел такую отделку и в витринах, и на некоторых дамах. Еще прежде, чем вы показали найденные в кабинете мистера Адамса пайетки, я мог бы рассказать, как их нашивают. На черную сетку, сэр, узорами: завитками, венками – называйте как угодно. Эти узоры так бросаются в глаза из-за блеска пайеток, что любой разрыв сразу заметен, особенно если под черной сеткой цветная ткань, как часто бывает. Я вспомнил об этом и о том, что блестки,

вероятно, упали с переднего полотнища. Значит, пропажу заметят не только окружающие, но и сама хозяйка. «Что она сделает, увидев, что платье испорчено?» – спросил я себя. Ответ нашелся сразу: «Если она та леди, какой считает ее мистер Грайс, она постарается нашить недостающие пайетки. Тем более если потеряла их на месте преступления. Но где их взять? На запасном куске такой же сетки. Однако запасного куска у нее, скорее всего, нет. Значит, придется купить. А поскольку не хватает всего нескольких блесток, купит она совсем узенькую полоску». Вот и получилась зацепка – по крайней мере, основание для действий. Я обошел несколько лучших магазинов на Бродвее, Двадцать третьей улице и Шестой авеню и сумел заинтересовать кое-кого из приказчиков. Вскоре я уже знал: если дама придет покупать совсем маленький кусок сетки с пайетками, они ее приметят и по возможности выяснят адрес. Сам я остановился в магазине Арнольда. Почему у Арнольда? Не знаю. Может быть, мой добрый гений решил помочь мне в поисках. Но, удача это была или нет, все получилось. Послеполудня прошло не так много времени, когда один из приказчиков многозначительно на меня посмотрел. Я подошел и увидел, что он заворачивает маленький сверток для очень миловидной румяной девушки. Она взяла покупку и сразу ушла. «Для одной из наших лучших покупательниц, – шепнул он, когда я приблизился. – Вряд ли это та, которую вы ищете». Но я решил ничего не упускать. Пошел следом за девушкой со свертком и оказался перед прекрасным особняком из коричневого песчаника, в одном из самых тихих и аристократических кварталов. Увидев, что она вошла через нижнюю дверь, я поднялся к парадной и позвонил. А потом… ну, я просто прикусил губу, чтобы унять нараставшее волнение. Ведь все это вполне могло кончиться ничем. И я понимал: если меня теперь ждет разочарование… Но такого испытания судьба мне не приготовила. Открывшая дверь горничная оказалась той самой веселоглазой девушкой из магазина. Более того, она все еще держала сверток – связующее звено между внушительным домом, у двери которого я стоял, и странным убийством на … улице. Я не выдал интереса к покупке и к тому времени, как заговорил, уже настолько овладел собой, что ничто не выдавало, насколько важным было мое поручение. Вы, конечно, догадываетесь, о чем я спросил: «Ваша хозяйка не теряла зонтик? Нашли один…» Заканчивать не понадобилось: по ее лицу я понял, что хозяйка действительно потеряла зонтик. Пока мне только это и было нужно. «Я его принесу. Если ее – прекрасно», – сказал я и сбежал с крыльца.

– Я собирался доложить вам и спросить совета, но самонадеянность взяла верх. Мне захотелось убедиться, что я не стал жертвой совпадения. Такой почтенный дом! Такая почтенная горничная! Вот если она узнает в нем зонтик своей хозяйки, тогда можно будет похвастаться успехом. Поэтому я и попросил его у вас, вернулся к дому и снова позвонил. Открыла та же девушка. Сегодня мне, кажется, везло. «Вот зонтик», – сказал я, но еще не успел закончить, как увидел: девушка встревожилась – или я допустил какую-то ужасную ошибку. «Это не тот, что потеряла моя хозяйка, – сказала она. – Она носит только черные». Дверь уже закрывалась, когда из глубины дома повелительно окликнули: «Дайте мне взглянуть на зонтик. Поднимите его, молодой человек. Вот так, у подножия лестницы. А-а!»

– Никогда еще простое «а-а» не звучало столь красноречиво. Говорившей я не видел, но понял, что она перегнулась через перила верхней площадки. Прислушался, ожидая, не уйдет ли. Но она не двигалась. Очевидно, старалась собраться с духом перед внезапной опасностью. Наконец заговорила снова – и каким тоном! «Вы из полицейского управления», – сказала она.

– Я опустил зонтик. Отвечать утвердительно не счел нужным.

– «От человека по имени Грайс», – продолжала она все тем же странным голосом, который я и описать не могу, сэр.

– «Раз вы спрашиваете, – ответил я, – признаюсь: я здесь по его поручению. Он хотел вернуть вашу потерю. Разве это не ваш зонтик? Не оставить ли его этой девушке?»

– Ответ был сухим, почти резким: «Мистер Грайс ошибся. Зонтик не мой. И все же нужно отдать должное тому, как он им воспользовался в этих поисках. Я хотела бы сама ему об этом сказать. Он у себя? Как вы думаете, меня примут?»

– «Он будет счастлив», – сказал я, не веря, что она говорит всерьез. Но она говорила всерьез, сэр. Быстрее, чем вы можете представить, по лестнице спустилась весьма величественная, почти суровая дама, уже одетая для выхода. Заговорила она со мной так, словно привыкла распоряжаться. «У вас есть экипаж?» – спросила она.

– «Нет», – ответил я.

– «Тогда найдите».

– Вот тут я оказался в затруднении. Уйти и дать ей возможность скрыться? Или положиться на ее порядочность и честный взгляд – а взгляд у нее необыкновенный, сэр – и подчиниться, как, судя по всему, привыкли делать все вокруг?

– Я решил довериться ее порядочности и пошел за экипажем. Это был риск, сэр, обещаю впредь такого не допускать. Когда я вернулся, она уже ждала на крыльце. Тут же села и велела немедленно ехать в полицейское управление. Я только что видел ее в приемной: она ждет вас. Теперь вы можете сказать, что я хорошо поработал?

С невыразимой смесью зависти и снисходительности мистер Грайс пожал протянутую руку и вышел. Сдерживать любопытство он больше не мог и тотчас направился к загадочной посетительнице. Удивляло ли его, что она знает его и сама захотела с ним встретиться? Если и так, ничто не выдавало этого в его почтительных манерах. Но, увидев даму, он вдруг переменился. Почтительности не убавилось; зато проступило удивление, куда более явное, чем обычно позволял себе опытный сыщик. Эта дама была ему хорошо знакома. Более того, в некоторых прежних делах она едва ли не состояла его помощницей. Перед ним стояла не кто иная, как почтеннейшая мисс Амелия Баттерворт из Грамерси-парка.

Глава VI. Подсказки старой знакомой

Взгляд, которым эта достойная незамужняя дама встретила сыщика, посторонний вряд ли сумел бы истолковать. Сам Грайс тоже не сразу его понял – возможно, потому, что еще никогда не видел мисс Баттерворт в состоянии, столь далеком от совершенного довольства собой.

– Мисс Баттерворт! Что это значит? Неужели вы…

– Вот именно! – довольно резко перебила она. – Вы застали меня за старыми проделками. Мне стыдно, а вы торжествуете. Серый зонтик, который вы столь любезно прислали ко мне, не мой. Но я была в той комнате, где вы его подобрали. Вы весьма ловко об этом догадались. Поскольку укрыться от вашей проницательности бесполезно, я явилась с повинной.

– А-а!

Сыщик сразу оживился. Пододвинув стул к мисс Баттерворт, он сел.

– Вы там были! – повторил он. – Когда же? О цели визита не смею спрашивать.

– А мне придется ее объяснить, чтобы не оказаться в совсем уж невыгодном положении, – с мрачной решимостью ответила она. – Не потому, что мне нравится выставлять напоказ собственные слабости. Просто обстоятельства того требуют. Я вполне понимаю ваше изумление: как я, незнакомая с мистером Адамсом и на этот раз не имевшая даже прежнего оправдания для вмешательства в дела полиции, могла настолько забыться, чтобы теперь сидеть здесь перед вами? Дело не касалось моего ближайшего соседа и само меня не искало. Это я его нашла, сэр, и вот каким образом. Лучше бы я отправилась в Иерихон! Дорога была бы длиннее и расходы больше, зато унижения и возможной огласки – меньше. Мистер Грайс, я вовсе не собиралась снова связываться с убийством. Я показала способности к сыскному делу и уже удостоилась некоторых знаков вашего одобрения. Но от этого у меня не закружилась голова – по крайней мере, я так считала. Я довольно искренне решила впредь держаться *своего круга занятий*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.